

Матъяна Щербинина

*Дорога,
которой
нет*

Татьяна Щербинина
Дорога, которой нет

Издательский дом «Сказочная дорога»

2016

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5

Щербинина Т. Ю.

Дорога, которой нет / Т. Ю. Щербинина — Издательский дом
«Сказочная дорога», 2016

ISBN 978-5-4329-0097-5

Перед вами третья книга Татьяны Щербининой, в которую вошли новые стихи, написанные за последние пять лет. Дорога, которой нет... Мы все идём по ней. Иногда очень хочется вернуть прошлое, своё детство и юность, ушедших от нас родителей, дедушек и бабушек, оказаться снова в большой и дружной стране, где мы росли. Воскресить уникальный, исчезающий мир русской деревни. Мы понимаем, что это невозможно. И всё же... Дорога, которой нет... – это наши воспоминания, песни, стихи. Это наша память. Это Россия, огромное пространство, на большей части которого нет нормальных дорог, но там живут замечательные люди, которые надеются, верят, работают и любят такую неудобную для жизни, трудную и прекрасную страну.

УДК 821.161.1-1

ББК 84(2Рос=Рус)6-5

ISBN 978-5-4329-0097-5

© Щербинина Т. Ю., 2016
© Издательский дом «Сказочная
дорога», 2016

Содержание

Берег	5
Два прадеда	6
По дороге в Тойму	7
Время песка	8
«На берегу медлительной реки...»	9
Вечер коня золотого купает...	10
Дядя Саша	11
Дикие девяностые	12
Мальчики	13
Зеркало	14
Капля за каплей	15
Бессознательное	16
Всё, чего хочу	17
P. S	18
Женщины марта	19
Имя	20
Полнолуние	21
Антивозрастное	22
Коньки. Двадцать лет спустя	23
Страшная сила	24
Что вижу, то пою	25
О чудиках и чуде	26
По умолчанию	27
«...голос дождя за кадром...»	28
«Это чья-то чужая страна, не наша...»	29
На поводке свободы	30
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Два прадеда

История – тёмное дело.
По воле судьбы у меня
Два прадеда – «красный» и «белый»,
Два сердца, два грозных огня.

Один – голоштаный Петруха,
Мечтатель, подвешен язык.
Плевались по Тойме старухи
Вослед: «Сотона, большевик!»

Смотрел он сурово и жёстко,
Но совесть, как видно, была:
Ушёл, не стерпев продрозвёрстки,
На фронт из родного села

И сгинул в кипящем пространстве,
Оставив детей и жену,
«От голода и от тиранства»
У белополяков в плену.

Второй не рассказывал байки.
С холодным азартом в глазах
Лупил комиссаров нагайкой
Упрямый уральский казак

И также безвременно сгинул
В степи, посреди ковыля,
Прадедушка Фёдор Щербинин –
За веру, за Русь, за царя.

Не знаю я, кто из них прав был.
Теперь до скончания дней
Два прадеда – «белый» и «красный» –
Отчаянно спорят во мне.

Свинцом да железом калёным
История нам воздаёт.
Свеча у разбитой иконы.
Россия. Семнадцатый год...

По дороге в Тойму

Кусочек лакомый – земля
лежит на блюде.
Не плачь о брошенных полях,
поплачь о людях.

Не одолела их война,
жизнь не сломила.
Остались только имена:
Иван, Людмила.

В траве осевшие кресты
без всякой веры,
ушедший в землю монастырь,
высокий берег.

А мне всё блазнится: форсист,
душа наружу,
в деревне русской гармонист
поёт «Катюшу».

Время песка

Это время песка, изумрудных больших стрекоз,
время нежного ветра и лютиков золотых.
С вечернего неба белый капает воск –
или просто бабочки у воды?
Голос кукушки – чётко, издали,
спокойный, сладкий, словно небытие.
Слишком быстро мелеет эта река,
а с нею – сердце твоё.
Всё громче стрекочут в полдень цветы,
вышивают ромашки скромный узор.
Здесь страдали предки, но хочешь ты
быть счастливой – наперекор.
И пока заката горит стрела,
идёшь по песку в купальнике чуть сыром.
Зеленоглазый овод вьётся вокруг бедра,
опьянённый твоим теплом...

«На берегу медлительной реки...»

На берегу медлительной реки
Ловлю мгновенья северного лета.
Стрекочет полдень. Травы высоки.
А завтра день – такой же, как и этот.
На берегу медлительной реки
Застывшие, как бронзовые Будды,
Два местных Чингачгука – рыбаки,
Забывшие о времени как будто.
На берегу медлительной реки
Скользят стрекозы у моей руки.
Течёт в прохладном зеркале молчанье.
Спят облака, упавшие на дно.
Повсюду и во всём растворено
Свободы равнодушное дыханье.

Вечер коня золотого купает...

Вечер коня золотого купает,
Ласковый слышится плеск.
Берег высокий. Вода голубая.
Белые камни небес.
Тёплая темень укутала ручей.
Ветер уткнулся в траву.
Мягкими иглами трогая тучи,
Древние пихты живут.
Мне б искупаться в ромашковом море,
Ясной умыться росой.
Снова стоит на знакомом угоре
Девочка с рыжей косой.
Детство моё где-то рядышком ходит,
Память – черёмухи вкус.
Дедушкин домик. Забытый колодец.
Чёрной смородины куст.
Кто же тихонько меня окликает?
Ягоды тают в руке.
Вечер коня золотого купает
В светлой небесной реке.

Дядя Саша

Там, за тёмной лесною гривой –
Позабытый «банный проспект»,
И лихачит, грохочет «Нива»
На дороге, которой нет.
На совхозных лугах усердно
Дядя Саша ставит стога,
Деревенский последний фермер,
Сын солдата, фронтовика.
Лето с каждым июлем жарче!
Дядя Саша к жаре привык.
Старый конь по имени Мальчик,
Два телёнка, корова, бык –
Больше нечем вроде бы хвастать.
А в округе дома пусты.
Незабудковой свежей краской
Скромно выкрашены кресты.
Над крестами шумят деревья,
И совсем не пугает смерть.
Чисто выкошена деревня –
Любо-дорого посмотреть!
Постояло бы только сухо,
Только б дождики не пошли...
Раскрасавица дочь Надюха
Укатила в Северодвинск.
Одинокий моргает бакен,
А моторки не тарахтят.
Здесь нельзя завести собаку –
Неприменно волки съедят.
Здесь зимою тоскливо, скверно...
В непроглядную смотрит тьму
Дядя Саша – последний фермер.
Дай-то Бог здоровья ему.

Дикие девяностые

Память крючьями острыми
Тащит в объятия тьмы.
В дикие девяностые
Лиха хлебнули мы.
Речи лились заманчиво,
Крылья росли дерзки.
Но уходили мальчики
После Чечни в братки.
Ваши «морали» – мелочи.
Бизнес доступен всем!
Стройные интердевочки –
Члены ВЛКСМ.
Мельницы били крыльями
В наглой своей красе.
Разом деревни вымерли.
Встали заводы все.
Ваучеры песочные,
Громкие имена.
Сумочки-то челночные
Помнишь, моя страна?
Верить – совсем не главное,
Главное – видеть суть.
Водку нальют халявную,
Только проголосуй!
Выдюжили? Нет, выжили!
Видно, крепка кишка.
Эх, олигарху рыжему
Черти намнут бока!
Что ж тут творилось, Господи?
Боль, беспредел, беда.
Дикие девяностые,
огненная вода.

Зеркало

Это всё моё, отвергнутое моё,
сильнее, чем режусь – упрямый огонь в крови.
В зеркале – взгляда угрюмое остриё:
«Разберусь сам!», «Подальше!» и «Отвали!»
Горькая грубость без удержки – по щеке!
В упор не узнаю свой автопортрет.
Неуклюжий вызов в каждой строке
всему миру сразу – в 17 лет
разве можно быть мрачным, несчастным, злым,
когда кипит капелью музыка крыш?
Можно. Только я помню тебя другим,
солнечный ёжик, ласковый мой малыш!
Какой же магией пройду сквозь стену твою?
Обнять крепко-крепко, горячие слезы вмиг:
«Понимаю... принимаю тебя, люблю!»
Подхожу и вместо этого говорю:
«Ты опять на проверку сегодня не сдал дневник».

Капля за каплей

*Ты пойдёшь рубить лес,
а увидишь лишь пни.*

Виктор Цой

Думаешь, она куда-нибудь убежит,
грязной посуды пагода на столе?
Капля за каплей из крана – чужая жизнь,
капля за каплей – бессмысленнее, быстрее...
Прыгаешь по льдинам застывших снов,
в лабиринтах молчания мотаешь нить.
По вечерам рисуешь дочке слонов,
а на сына ворчишь: «Пора бы бросить курить».
Капля за каплей – бессмысленнее, быстрее,
отчего-то на ровном месте споткнёшься вдруг.
Никотин опасен для лошадей,
но ещё опаснее – мотоплуг.
Где же твои далёкие города,
где же горы в ладонях небесных сфер?
Ладно, дети вырастут, и тогда
будут рифмы новые и размер...
пятидесятый, наверное, ой-ё-ёй,
список книг и времени океан...
Может быть, скорей сантехников позовём
и починим этот дурацкий кран?

Бессознательное

Свежие фломастеры разобрал,
Дочка мне рисует принцессу Белль.
Это обострился синдром «ребра»
Или я соскучилась по тебе?
Или просто – мышкою тишина
Щёлкает по файлам забытых снов?
На соседней крыше лежит луна,
«Голая, довольная», – как в кино.
Сколько принцев призрачных ни лепи,
Всё равно из шкафа ползёт скелет.
А из зазеркальной глухой степи
Смотрит, улыбаясь, дедушка Фрейд.

Всё, чего хочу

Так соблазняет шуку игра блесны,
Так обнимает небо последний лист.
Жаворонком в выси твоей весны
Петь – пока струны не порвались.
Язычница – смеющимся языком –
Нет, не икону – хочу целовать огонь!
Гусеницей мохнатой в саду твоём
Заснуть, а проснуться совсем другой –
Всё, чего хочу! Всё, что успею смочь,
Пока метель не станет моей фатой.
Ты говоришь, её называют смерть?
Нет, это ветер – тёплый и золотой.

P. S

Я тебе никогда не признаюсь в том,
что давно должно уже отболеть...
Это не было счастье, скорее, шторм
десятибалльный, в котором не уцелеть...
Приходил с дежурства уставший, злой,
полнолуние кипело в твоих глазах.
Это длилось дольше, чем мезозой,
ненавистный, нежный тиранозавр.
Чувствуешь, как чары мои крепки
оттого, что никто бы другой не смог
отношений скифские черепки
склеивать тоскою бессонных строк,
бережно, осторожно, за слоем слой,
А потом кувалду в сердцах, и – хрясь!
Удалю из мобильного номер твой
тысячу не помню который раз...
Нет, я ничегошеньки не прошу,
кажется, нам не о чем говорить...
Это просто ужасный, плохой фэн-шуй –
зеркало напротив входной двери.

Женщины марта

Терпкий сумрак в бокале синем,
золотистый лимон луны.
В марте женщины пьют мартини
и приходят в чужие сны.
Чиркнув взглядом неосторожным,
ослепительны и легки –
в марте женщины, словно кошки,
точат нежные коготки.
Задевая опасной бритвой
жизни серое полотно,
в марте женщины – Маргариты –
в ночь распахивают окно...

Имя

Сладко – чужие красть
губы – нагим глаголом.
Имя – марево, Марс,
космос саднящим солю.
Обморок – морок – смех,
ясный искристый порох,
сердце – на вырост – сверх!
Рифм своевольный сполох
Вам, владычица Речь.
Маятник – море – волны,
имя – «не мир, но меч»,
чернь, полнолуние, полночь...
Сквозь скорлупу земли
пламенем лепестковым
выскользнув из петли
солнечным пульсом Слова.

Полнолуние

Этот юный и древний мучительный зов...
Только небо не знает стыда.
Раскрываются белые лилии снов,
Под луною мерцает вода.
Заблудившийся путник, угрюмый и злой,
Позабывший давно о любви,
Этой ночью я буду июльской рекой,
Заходи же и смело плыви!
И прохладное пламя, и соль на губах
(Или слёзы?)... Спадёт пелена,
Будет мёртвое русло, пустыня и прах,
Там, где страстная билась волна.
И тогда ты без сил упадёшь на песок,
Бесконечно уставший старик,
Ощущая, как яростно был одинок
Даже в самый пронзительный миг.

Антивозрастное

Опускаешь ресницы лукавым взмахом –
без напряжения и боли выигран бой.
В 30 лет исчезают детские страхи,
наконец-то ты рада... себе самой.
Отпускаешь в небо воздушный шарик,
чувствуя, как солнце внутри течёт,
и досадную кличку «рыжий очкарик»
вспоминаешь с улыбкою – вот и всё.
Брюзгливых не слушаешь разговоров,
и на сплетни-стрелы тебе плевать,
но пугает строгое птичье «сорок»
с огородно-плодовой приставкой «пять».
Ты не знаешь, что прошлое поправимо,
всё быстрее пляшет веретено.
В сорок лет не страшно терять любимых,
они уже потеряны, и давно.
Никакой, даже самый родной, мужчина –
ты сама, всё сама себе можешь дать.
Но тревожит очень зачётка сына,
дочка, не желающая читать.
В сорок лет бодрит холодок рассвета,
лишь нахальная кошка греет постель.
Понимаешь: «Скоро уйдёт и это»,
память – только ступенька, точнее, дверь.
С каждым годом всё выше степень свободы,
а потерям (и строчкам) длиннее счёт.
Ты летишь по трассе коньковым ходом,
и упрямое солнце внутри течёт.

Коньки. Двадцать лет спустя

Кто не рискует – пускай минералку пьёт!
А сегодня любые горы мне по плечу.
Непокорный мой, возлюбленный, гордый лёд,
как же я боюсь тебя... и хочу!
Ох, как ноги зашнурованные дрожат!
Шагну сейчас – и грохнусь непоправи...
«Снегурками», взятыми напрокат,
распишусь в своём бессилии и любви.
Встаю, от отваги собственной ошалев.
(О неуклюжесть крылатая первых строк!).
Сколько было разбитых коленок, слёз и соплей,
когда мама с папой таскали нас на каток!
От страничек этих не отречься, не разорвать,
первородный страх мне силу сейчас даёт.
Ноги-то всё помнят лучше, чем голова,
и лечу, от яркого солнца зажмурившись, как сова,
догоняю детство своё.

Страшная сила

Морозным забористым паром
Январские улицы дышат.
А я в магазин «Спорттовары»
Иду выбирать себе лыжи.
Кому-то обломно и тяжко,
(Иных – не поднять и домкратом.)
Не пластик – куплю «деревяшки»,
Поскольку в душе – консерватор,
Поскольку в Советской стране я
Росла без тревог и рутины –
Надёжней они и роднее,
(Мы чуточку все Буратины).
Да, классика – страшная сила,
Экстрим – обалденная штука!
Чтоб ветром не уносило,
Я палки куплю из бамбука.
Пусть черти под рёбра толкают –
Рекорды становятся ближе.
Я заново жить начинаю –
Иду покупать себе лыжи.

Что вижу, то пою

Ворона больна ларингитом,
в помойке валяется хлеб,
из форточки, нагло открытой,
несётся бессмысленный рэп.
Пещерный художник раскрасил
соседнюю стену – к чему?
Ведёт престарелый Герасим
одегую в хаки Муму.
Сияющий лик депутата
весьма украшает подъезд,
и шествует дворников стадо
с лопатами наперевес.
Ледышку пинает ребёнок,
среди тополиных пеньков
несчастный стоит жигулёнок –
как наша с тобою любовь –
давно уж без стёкол, без знаков,
на крыше – заснеженный груз,
его не починишь, однако,
как наш нерушимый Союз.
Шагаю по белой дорожке
и радуюсь свежим словам,
навстречу мне чёрная кошка
спешит по кошачьим делам.
А я посмеюсь над приметой
и вверх (наконец-то!) взгляну,
где солнце, свобода и ветер
уже предвещают весну.

О чудиках и чуди

Мы, потерявшие древнюю суть,
Памятью живы единой.
Предки мои – белоглазая чудь,
Чудики (или чудины?).
Тайна таёжная, смуглая кровь,
Чуткая мира основа,
Хвойная азбука хмурых лесов,
Речек певучее слово.
Предки мои не боялись ходить
Волчьей дремучей тропой.
Я и сама-то могу отчудить –
Вам и не снилось такое!
Кто повторяет, что нынче нельзя
Жить, подчиняясь причудам?
Ночью тревожной смыкаешь глаза –
И наплывает...
Откуда?
Бьёт новгородская злая стрела
Дикую вольность двинскую...
Чудь непокорная в землю ушла...
А чудаки – существуют!..

По умолчанию

И едва ли сможешь открыть глаза ты,
ослеплённый яростной круговертью...
Ветер по умолчанию – северо-запад,
тип погоды – не сомневайся! – третий.
Можно сменить аватарку, призвание, имя,
родину выбрать с удобствами на планете,
памяти файлы стереть, заменить другими,
но куда ты денешь
вот этот ветер,
всю эту хмарь,
угрюмую нежность утра,
запах болота и моря, зовущий запах?
Где бы ты ни был, тебе всегда неуютно,
ветер – по умолчанию – северо-запад.

«...ГОЛОС ДОЖДЯ ЗА КАДРОМ...»

голос дождя за кадром
снами кипят ресницы
небо читает мантры
ввысь опадают птицы
нежные щёки утра
колет небритый ветер
люди чего-то ждут, но
им ничего не светит
сон захлебнулся явью
листья теряют силу
бой (или вой?) без правил
бред мировой кобылы
память – порез на коже
а кровоточит будто
сколько богов, но всё же
верится только в Будду
вверх первобытной стаей
копья свистят вопросов
голос дождя читает
странное слово «осень»

«Это чья-то чужая страна, не наша...»

Это чья-то чужая страна, не наша...
Воздух – кляпом, небо невыносимо.
Все в футбол играют, поют и пляшут,
Кричат «ура!» возвращению Крыма.
Закрывают фермы, заводы, школы.
Дохнут кони, тихо падают избы.
И никто не скажет: «Король-то голый!»
Будешь лезть в бутылку – поставят клизму.
Босота, безденежье, бездорожье,
Свищет бес, утробно хохочут тролли.
И опять нас с ложечки кормят ложью,
И опять ходить заставляют строем.

В Интернете – сплетни да перепосты,
Не поймёшь, в чью лунку идёт игра там.
Всё, что сказано честно, открыто, жёстко,
Удалит недремлющий модератор.
Но летит живым воробышком слово.
Люди землю пашут, хоть впору б взвыть им.
Всё, что есть разумного и живого,
Драпает тихонько в Москву да в Питер,
Где гниёт болотом лихая площадь,
Депутаты прячут в портфелях стринги...
И встаёт бесстрашным горьким Гаврошем
Неокрепший голос моей глубинки.

На поводке свободы

Души, как реки, покрыты льдом.
Бабушка внука сдаёт в детдом.
Внуки бабулю сдают в дурдом.
(O tempora, o mores!)
Мы привыкаем к большим нулям.
Чехов, Булгаков, Омар Хайям

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.